Боевые действия на Космете во время агрессии НАТО на Югославию

Олег Витальевич Валецкий

SHOUT
SHARE
IT

- Валецкий Олег Витальевич
  - ○

Валецкий Олег Витальевич
Боевые действия на Космете во время агрессии НАТО на Югославию

Олег Валецкий

Боевые действия на Космете во время агрессии НАТО на Югославию

Начало авиаударов НАТО по Югославии 24 марта во многом изменило ход войны на Космете. Если до весны 1999 года действия югославских вооруженных сил еще были ограниченны политиками, то после начала авиаударов руки военных были полностью свободны. За три весенних месяца вполне было возможно окончательно покончить с и так потрепанной УЧК, тем более, что соотношение сил было во всех отношениях в пользу югославских армии и полиции, при этом многократно. Если добавить к этому двести с лишним тысяч местных сербов и до ста тысяч горанцев (сербов-мусульман) а также значительное количество "лояльных" албанцев, то УЧК оказалась в марте-апреле под угрозой полного уничтожения.

Область Дреница была тут важна тем, что представляла собой главную базу УЧК и родное место большей части ее высших командиров.Подави сербы сопротивление здесь, во всем албанском обществе расширились бы пораженческие настроения. Даже если бы потом Космет перешел под власть КФОР, то УЧК не имело бы ни сил ни воли к нападениям на местных сербов. После войны, с приходом на Косово сил KFOR, главную роль в нападениях УЧК на этих сербов, сыграли те албанцы, что все время находились в рядах УЧК на Космете и, зная ситуацию на местности нападали на югославские силы даже во время их отхода с Косова. Разгром УЧК произошел только на бумаге.Объявленное в начале апреля генштабом югославской армии общее число оставшихся террористов на Космете в 300 - 400 человек на деле в одной лишь Дренице можно было найти в лесах, а то и селах в ближайших окрестностях Глоговца в прямом соседстве с расположением югославских войск. Трудно говорить здесь о точных цифрах, их здесь не знало и командование самой УЧК. Так например, в полностью подконтрольном УЧК районе сел Горня и Доня Обрыньи, Тирстеник, Резала, Ликовац, находившихся слева от дороги Глоговац - Сербица, по разведанным югославской армии находилось в конце апреля 1999 года до тысячи бойцов УЧК, а что касается горного массива

Чичавица отделявшего Дреницу от Приштины, то он не был очищен от отрядов УЧК до конца войны.

Стоит привести простой пример. Так, в районе дислокации нашей разведроты, находившейся в конце мая 1999 года в селе Истог-махала, было зарегистрировано две группы УЧК в радиусе километра.Одна, насчитывавшая до двух десятков хорошо обученных бойцов, находилась в лесу.Отсюда она периодически делала нападения как на Истог-Махалу, так и на дорогу Глоговац - Србица.При этом несмотря на потери понесенные ею как от мин, установленных нами, так и в результате наших поисковых действий, позиции она не меняла, что говорит о наличии дисциплины и единого командования в УЧК. Другая группа находившаяся от Истог-Махала через дорогу Глоговац - Србица, в июне 1999 года вообще перестала скрываться и могла наблюдаться в бинокль в домах села Полужа.За несколько дней только в одном месте этого села было насчитано около десяти вооруженных террористов, вслед за которыми появились и гражданские, вывесившие сразу же белый флаг. Никто, естественно, в это село не входил, хотя именно с этого направления не раз велся огонь по дороге Глоговац - Србица.

Схожее положение было и в Шиполье, пригороде Косовской Митровицы, в котором, из-за нападений УЧК только в апреле дорога Косовская Митровица Србица несколько раз полицией перекрывалась для движения. УЧК уже в середине апреля стала оправляться от первоначального шока, разумеется, с помощью своих зарубежных покровителей. Увидев, что склонность албанцев к хищениям отражается на боеспособности УЧК, руководство последней, видимо, утихомирило аппетиты своих командиров и навело относительный порядок в своих рядах. В Дреницу в конце апреля, пошло современное оружие и снаряжение, пусть и не в достаточном количестве. У УЧК появились новые снайперские винтовки, средства связи, мины, а главное, приборы для лазерной и радарной подсветки целей, которыми они наводили авиацию НАТО. Много раз мы видели в приборы ночного видения светящиеся точки в домах как будто бы своей территории, а днем оказывалось, что речь идет о нежилых помещениях, то есть, что свидетельствовало, или о наличии там или дозоров УЧК или авианаводчиков.

Засады участились с середины апреля, в особенности на дороге Глоговац Србица. Я уже не помню сколько раз наши машины попадали в засаду, но было это в период с конца апреля по конец мая не меньше 5 - 6, только тех случаев что заканчивались успехом для шиптар.

Однажды недалеко от села Полянци была обстреляна машина

с людьми, возвращающимися из отпуска,в результате чего было до десятка убитых и раненных.Положение усугубило то, что многие из них не имели оружие, так как командиры иных подразделений запрещали ехавшим в отпуск увозить оружие в Сербию. В другой раз на этой дороге, к тому же между двумя постами полиции людьми УЧК в югославской форме была остановлена машина командира 1 пехотного батальона, после чего комбат и несколько человек с ним были расстреляны, и исчезли все штабные документы находившиеся в машине. Югославские военные пытались с этим бороться, укрепляя борта грузовиков и делая в них бойницы.Однако часто это было самообманом, особенно когда, устанавливая вообще-то нужную резину, не устанавливали броню, и пули могли прошить и два ряда досок и эту же резину, что один наш доброволец из Воеводины с успехом и продемонстрировал. Тактика выхода из засад была совершенно не отработанна, и лишь заслугой некоторых наших бойцов люди в нашей роте стали становиться через одного у борта машины, осматривая местность вокруг, а на верх кабины устанавливался пулемет.

Наша рота лишь чудом тогда избежала потерь в засадах. Хорошо помню случай с нашим очередным переездом, когда, после перемещения штаба бригады из Србицы в Глоговац, наша рота, до этого уже сменившая село Лаушу на Полянце, отправилась из последнего в село Глобаре под Глоговцем. Тогда опять поменялся командир роты, и на место нашего капитана, ушедшего на должность погибшего командира 1-го батальона, встал резервный капитан. Ему, естественно, было нелегко в уже устоявшейся офицерской среде, и даже в роте первое время решал вопросы не он, а другие - старшина, командиры взводов, связисты и так далее. И вот он, буквально на следующий день после своего назначения, должен был командовать переездом. Все было организованно впритык по времени. В шесть вечера основная часть нашей роты должна была выехать из Полянце по дороге Србице - Глоговац и въехать в село Глобаре под Глоговцем, в котором Югославских войск вообще не было. Мне все это стало немного непонятно, ибо любая задержка приводила бы к приближению темноты, а наши войска, как мне было известно, ночью практически и не действовали, чего нельзя было сказать об УЧК. К тому же вдоль дороги стояли посты полиции, и с ней по темноте всегда могла вспыхнуть случайная перестрелка. Я все это сказал командиру, но, видимо, от него ничего не зависело, и мы стали действовать по плану.

Выехав под шутки и песни, как и полагается сербскому войску, мы двинулись колонной: четыре грузовика, 4-5

трофейных тракторов с прицепами и две - три легковые автомашины "Лада" и "Нива". Со стороны тяжело было сказать, кто мы такие, тем более, что и два грузовика были мобилизованы в Сербии у частных владельцев, один из которых Жиле,будущий чемпион Сербии по каратэ, водил в нашей роте свой грузовик. Однако УЧК как-то не интересовало, кому принадлежат машины, и уже за несколько километров до подъезда ко Глоговцу мы услышали, как над нами свистят пули, а колонна неожиданно остановилась. Почти всех словно свела судорога, но когда я начал кричать, чтобы все выскакивали на обочину и хотел уже последовать примеру своего товарища, уже выпрыгнувшего, грузовик опять куда-то двинулся, хотя было ясно, что наша машина, будучи в хвосте, таким маневром подставляла нас под пули УЧК, бивших, главным образом по главе и середине колонны, да и наша машина вообще могла закрыть путь. Не знаю почему, но радиосвязи не было, хотя с ней мы могли добраться до поста полиции (оставалось до него несколько сот метров), откуда нас могли бы прикрывать. На деле же нас никто вообще не прикрывал, командная машина была в 2 - 3 километрах от нас, и так и не появилась, а еще повезло, что гранатометчик УЧК промахнулся и не попал в первую машину нашей колоны. Все наши машины были переполнены и имей противник хотя бы один ПТРК, без жертв мы бы не обошлись. Впрочем мог он сделать их нам и обычным пулеметом но беря по самой кромке дороги, так как выскочившие все таки из нашей машины резервисты собрались у одного куста. Между тем Боро наш доброволец из Зренянина, управляющий трактором, уже вел огонь из пустого дома, где остановился, и мы, человек пять, один за другим забежали в этот дом. Вместе с ним я и Радэ-"Сурчинец" еще один доброволец открыли попеременно огонь из подъезда по сожженным домам, стоявшим в паре сотне метров справа и выше от нас, двое моих товарищей Слава и Миша залегли, на втором этаже наблюдая за окрестностью, а еще один доброволец - снайпер "Гоги" открыл огонь из окна, в котором я разобрал несколько кирпичей. После получаса стрельбы последовала команда на дальнейшее движение, причем мы опять были вынуждены бежать по открытому пространству назад в машину, водитель которой резервист, видимо, боялся остановиться у нашего дома. Перед постом полиции мы опять остановились и я уже начал кричать, чтобы люди выскакивали и вообще действовали быстрее,. Начало уже темнеть и опять пришлось кричать чтобы люди зря не стреляли, если не видят куда, ибо противник мог нас поймать по вспышкам. Командования не было никакого, и когда, наконец, десяток полицейских со своим

бронеавтомобилем (типа советской БРДМ) и с танком подошли нас прикрывать, наши машины сами остановились за домами, у поста на грунтовую дорогу. Все это уже стало надоедать, и мне захотелось выяснить, кто же чем здесь командует? Я прошелся вдоль всей колонны, интересуясь этой актуальной проблемой, но оказалось, что в отличие от вопросов, связанных с поездкой домой, делением формы и продуктов, занятием удобных домов, для решения вопроса о том что же делать дальше, компетентных лиц не оказалось, и более того, никто и не заявлял о себе, как о командире, которых обычно было более, чем необходимо. В конце концов пришлось садиться в трактор с Пантой десетаром (сержантом), единственным, готовым чем-то командовать, но не знавшем, куда мы должны ехать, и колона двинулась к Глоговцу. Кое-как уже в темноте, мы доехали до перекрестка в Глобары, и я пытался было выбить двери в одном дворе, но тут наконец появившийся комроты "Жутый" сказал мне, что в нем размещен еще какой-то пост полиции, хотя полицейские совершенно не показывалась. Командир роты сказал, что нам в Глобары лучше не въезжать, и мы опять поехали в обратном направлении, и через километр свернули направо в еще какое-то село, где нас ждала уже наша военная полиция. Кое-как, с руганью, мы все разместились по домам, и распределив часы ночного дежурства, легли спать. Утром нас подняли, и было сказано, что несколько человек должно отправиться вместе с еще каким-то подразделением, что бы занять селение, откуда по нам вели огонь, а остальные пойдут занимать Глобары. Когда мы трое русских с еще несколькими сербами, добровольцами из нашей роты, готовились отправиться в составе этой группы,я пошел о чем-то договариваться, зачем-то была сорвана другая, куда большая группа наших добровольцев и резервистов, и она с двумя моими товарищами отправилась в селение, а я с еще одним сербским добровольцем, двумя резервистами и со штабным отделением был отправлен занимать село Глобаре. В этом ничего конечно, тяжелого не было, хотя было полно криков об осторожности, но штабисты, заняв самый удобный и безопасный дом, оставили дело на нас. Собрав гражданских в колонну и закончив с осмотром домов, мы вчетвером пошли в соседнее село где мои сербские товарищи сразу сели пить кофе с местными албанцами - или шиптарами, как их все здесь называли. Я же, прогулявшись по селу и собрав из него всех албанцев, посмотрев на несколько сот их собравшихся перед ним, сходил к командиру роты и узнав, что это другое село, которое не является нашей целью , распустил людей по домам. Другая наша группа, занимая намеченное селение под которым мы и попали в засаду была

обстреляна из домов уже на подходе, и лишь благодаря нескольким людям, в основном Славе и Нешо из Зренянина и самому штабному офицеру Ацо Петровичу, командовавшему ею, группа смогла занять дома без потерь, тогда как шиптары ушли дальше за лес в село наверху этой горы. Вообщем-то нам тогда повезло, что противник, устроив засаду, побоялся подходить к нам ближе и не был в ведении огня быстр и точен, хотя и мы давили его огнем. Ошибки противника были как в слишком раннем открытии огня, так и в том, что он не заминировал дома по самой обочине с другой стороны дороги. Подобные засады часто организовались, в особенности, на проселочных дорогах на одиночные машины и на медлительные трактора. Так однажды семеро человек из пехоты, ехавшие на тракторе, попали в засаду, и были сразу же перебиты, причем один, попал в плен, Другой раз шиптары попали из гранатомета в микроавтобус, вынужденный замедлить движение по извилистой грунтовой дороге, убив и ранив тех, кто был внутри. Нехватка бронетехники довольно дорого стоила и неясно, для чего было держать сотни единиц бронетехники на границе с Боснией и Герцеговиной и с Болгарией, откуда, очевидно нападения бы не было.

Нашей бригаде еще везло, что противник лишь во второй половине мая стал стал использовать мины, иначе потери были бы куда больше. Самое поразительное здесь то, что порою мины УЧК получала не только по воздуху, а и от нашей армии. Во время одной из бомбежек наши сбежав оставили грузовик с минами (до девятисот штук), которыми завладели шиптары. Не знаю точно, где это произошло, но большинство людей упоминало один наш пехотный батальон, а иные и аэродром, и возможно, что речь шла о двух отдельных случаях за которые никто так и не ответил, вопреки военному положению, при котором военнослужащих отдавали под суд за задержку на пару дней дома. Главное же то, что буквально через несколько дней по всей зоне ответственности нашей бригады наши машины стали подрываться на минах, и до начала июня когда мы имели не менее двух десятков убитых и раненых. Все это говорило и о наличии организации у противника, и о росте его боевого опыта. В июне диверсанты УЧК вообще поставил мину на автопуть Приштина - Печ рядом с перекрестком на селение Комораны, на месте по которому проезжали почти все наши машины ехавшие или в Приштину или в Сербию. Тогда утром за час до того как я здесь проехал, подорвался грузовик "ПИНЦ" из Приштины, в котором погибло пять солдат срочной службы, и было видно, что мина была установлена в одну выбоину в асфальте. Позднее было установлено, что мины порою ставили и местные женщины

пользуясь свободой передвижения. После этого нашим подразделениям было приказано усилить патрули для проверки дорог, но это ведь одновременно и делало их подверженными снайперскому огню и хорошо, что противник не прикрывал свои мины огнем, а тем более не использовал дистанционные подрывы, в особенности мины направленного действия. Но ошибки противника часто перекрывались халатностью многих наших бойцов и командиров: село через дорогу от Комораны никто, как потом оказалось, и не проверял, хотя от него до дороги было метров 300. Проблема была и в том, что дороги контролировала полиция, а содействие тут было на неудовлетворительном уровне. Однако и иные командиры действовали так, что перебивали все рекорды мыслимой халатности, что уже просто приводило в недоумение.

Однажды когда я и Слава,вдвоем решили использовать свободное время и сходить в гости к русским из танкового батальона, мы увидели, как борются с УЧК в этом батальоне. Встретили мы двоих из них,один из которых был Коля из Екатеринбурга но другой Давид,был гражданином Израиля, в Полянцы, куда они прибыли со своим комбатом на разведку. Что тот мог разведывать здесь, где была кухня его батальона я не знаю, но потом, после часа шатаний, он позвал этих двоих наших новых знакомых, и мы недолго думая, присоединились к ним. Добравшись до села, где стояла одна рота, комбат, человек довольно самоуверенный повел человек десять на пригорок откуда все они в бинокли стали рассматривать полусожженное село на горе через глубокую лощину и, видимо, для них это и называлась разведкой. Комбат потом сказал нашим новым товарищам, что, мол, сходите в село на полчасика и проверьте, но никого не трогайте, там, мол, живет мой "шиптар", копающий нам траншеи, и после этого пошел пить кофе и ракию, а нас двоих даже и не поприветствовал. Это было настолько типично, что я уже пожалел о том, что мы вызвались пойти в разведку. Не только благодарности, но и элементарного приличия в поведении и комбата и всей его большой свиты не было, также у этих "профессионалов" не было ни капли понимания того что такое разведка. Сходить на полчаса в село, где не было наших войск, было явным идиотизмом, ибо любой случайный шиптар нас шедших прямиком в село через открытое поле, мог бы "снять". Конечно приходилось нам ходить по открытому полю , но лишь когда обстановка это позволяла, или это было необходимо, а сейчас это было все ни к чему. К тому же внимательно наблюдая в бинокль за селом мы увидели что опушка леса прямо над ним весьма сомнительна и там виднеются какие-то темные провалы и

целлофан. Решили мы в конце концов идти в обход справа, держа в поле видимости село, и одновременно имея хоть какое то укрытие. "Моторол" мы естественно не получили, но все равно разделились на две группы, в одной двое ребят из батальона должны были идти краем леса, а во второй мы вдвоем и один резервист с пулеметом делали бы более глубокий обход договорясь о месте встречи в лесу. Выйдя на договоренное место, мы сразу обнаружили там блиндаж и траншеи, а затем продолжили путь. Как это и бывает в горах расстояние было обманчиво, а мы к тому же по пути были вынуждены перейти одну лощину. На подходе к селу мы вышли на место отдыха шиптар, которые не желая спать в уязвимых домах, здесь оборудовали шатры и несколько огневых позиций, хотя и пустых, но полных свежих следов. Шли мы шиптарскими тропами, что было самое бесшумное, быстрое и безопасное дело и, выйдя на грунтовую дорогу, шедшую по опушке леса, как и предполагали, нашли несколько выкопанных ячеек огневых позиций. В селе никого не было, но и здесь было много следов, а в сарае стоял конь. Пройдя через рощу во вторую половину села, где жил комбатов якобы "лояльный" шиптар, в первом же доме мы нашли какую-то семью в человек десять, но мужчин здесь не было. Молодая женщина, месившая хлеб увидев нас, перепугалась, но на все вопросы лишь пожимала плечами, мол не понимаю сербский. Махнув рукой, мы пошли дальше, опять разделившись на две группы. Там было найдено несколько жилых домов, в каждом по десятку детей, что поражало плодовитостью одного "лояльного" шиптара, которого при этом так и не нашли. В одном дворе была выкопана ячейка направленная прямо на село, где находился штаб батальона, и в ней была набросана свежая солома. В нескольких домах были найдены запасы продуктов и лежанки на десяток человек.

Особых сомнений в том, что отсюда действовала группа УЧК не было и мы ни о чем и не спрашивали местных. Тропа с края села вела как раз в том направлении, откуда они не раз вели огонь по дороге.

Неожиданно с этого направления с примерно полукилометрового расстояния раздалась стрельба, но того, что произошло мы по причине отсутствия радиосвязи не знали, но потом выяснилось, что в засаду попала одна из наших машин, на которой офицеры штаба шли на разведку места будущего наступления: был убит один заставник (прапорщик) из штаба, а шиптары смогли взять не только документы, но и пулемет.

Мы же, возвратившись в первый дом, выпили воды и перекусили хлебом, вынесенным местными женщинами. Нас

встретившей женщины мы уже не нашли, видимо та побежала предупреждать своих в лесу. Делать нам было уже нечего, и я, присев отдохнуть у дерева, поднял голову и вдруг увидел сидение на ветках, к которому вела лестница, но не с земли, а с нижней толстой ветки. Отсюда хорошо просматривались позиции танкового батальона, но, разумеется, никто здесь из шиптар не понимал по сербски даже сказанных мною слов УЧК в другом случае им всем хорошо понятным. Махнув на все это дело рукой, мы пошли назад напрямик, договариваясь о месте будущей засады, дабы попытаться что-то узнать о судьбе товарища наших новых знакомых пропавшего без вести Сергея Стацева из Днепропетровска. А что касается комбата, он нас, естественно, ждать не стал. Впрочем, засады не получилось ибо командование начало "капать на мозги" ребятам из танкового батальона - их комбат жаловался в штабе, что его "русы" вышли из-под контроля, хотя контроль по его понятию был в сидении по домам и несению сторожевой службы. Борьба с шиптарами здесь понималась в избиении кого-нибудь из трех-четырех десятков военно-способных албанцев, которые были размещены как рабочая сила в танковом батальоне, к тому же по соседству с русскими. Возможно комбат в глубине души надеялся, что "русские криминальцы" кого-то из них убьют, , но русским не было никакого желания шиптар трогать, тем более что тут "героев" хватало, в отличии от боевых ситуаций. Что касается нас, то мы встретили хороший прием у Бояна командира одной из рот танкового батальона,сербского капитана ставшего неформально командиром русских, и до этого уже воевавшего где-то в Краине и Боснии. Главным препятствие в планировавшейся засаде были приборы ночного видения. Комбат и его "пенсионеры" если бы и имели их, то не дали бы, а командование нашей разведроты имея семь таких приборов, по какой-то странной логике не давали их никому, хотя использовалось лишь три и то для стражи(службе на позициях), словно та не могла вестись без них, как и в пехоте. Не помогли просьбы ни наши ни капитана, да и мы сами при выходе на дозор ни разу не могли их получить, а если и получали, то с полузаряженными батарейками. Помню однажды, когда я и Слава опять вдвоем ночью залезли в один отдельностоящий дом в 500 - 600 метрах от наших позиций в одном селе, то сначала один командир взвода выключил свою "Мотороллу", когда мы уже вобрались в дом, хотя я долго трудился перед выходом, объясняя ему и его подчиненным каковы ориентиры и каковы сигналы. Потом у нас закончились батарейки в ПНВ, и вся надежда была на находившиеся рядом минные поля и на мину поставленную на нашем первом этаже, да на какого-то шиптарского пса, почему-то

полюбившего нас и ставшего нести вокруг дома стражу. Скорее всего, мы уже тогда так провонялись запахом местных домов, что ничем для него не отличались по запаху от шиптар, которые, кажется копошились в соседних кустах, но так как в полночь у нас разрядились батарейки в ПНВ, то об этом наверняка знать мы не могли. Русские добровольцы из танкового батальона так же вчетвером или впятером вместе со своим капитаном раз зайдя в албанское село два часа не могли из него выйти отбиваясь от полутора десятков шиптар, а все те герои из их батальона, кричавшие о том, что "шиптары - пички" (п...ды по русски), что-то к ним не пришли на помощь, хотя танки батальона были недалеко. Я не склонен преувеличивать боевой дух шиптар, но все же любого противника уважать надо, а самые большие крикуны сидят в штабах и тылах, и в разведку не ходят. Заслуга шиптар была уже в том, что они хоть как-то выдержали югославскую армию и сохранили УЧК. Конечно тактика их была проста: "выстрелил - убегай", что вобщем-то разумно. Но не раз бывало, что они воевали довольно упорно, а это говорит, что среди них все же есть не так уж мало хороших бойцов. Уже то как они передвигались ночью без лишнего шума, перекликиваясь голосами животных, в особенности подражая петухам, при этом не в сотнях, а в десятках метрах от наших позиций, иногда даже без автоматического оружия, должно было бы заставить относиться к ним серьезнее как к армии, а не как к банде разбойников.

Дело здесь не в потерях югославской армии и полиции, как хотели представить западные журналисты и представители УЧК. Потери конечно были. Наша 37 моторизованная бригада, размещенная в области где-то от Србицы до Глоговца, то есть в центральной части Дренице за два с половиной месяца имела приблизительно до полусотни погибших и где-то в два раза больше раненных (все это по официальным данным). Далеко не все потери были от действий УЧК, свою роль играла и авиация НАТО, а также и несчастные случаи и сознательнные саморанения вносили свою лепту.

Вто же время здесь гибли и военнослужащие других частей, по тем или иным причинам оказавшиеся в зоне ответственности бригады, а также из подразделений и частей армии и полиции, временно придаваемые нашей бригаде.

Но, даже если учесть потерю еще максимум двух-трех десятков человек погибшими и вдвое-втрое большее число раненными из состава других частей, все равно цифра никак не могла быть ощутимой для боеготовности 37 бригады, насчитывавшей только на Дренице до 4 - 5 тысяч человек, и при

этом имевшей еще несколько сот человек в Рашке большинство из которых вообще на Космете не побывало. Речь идет о бригаде направленной в самый центр албанского сопротивления и поэтому провозглашенной после войны одной из трех лучших бригад по результатам боевых действий на Космете. Лишь она из этих трех бригад находилась во внутренних районах Космета, тогда как две другие бригады находились на границе. Следовательно, именно 37 бригада имела наибольшую интенсивность боевых действий противопартизанского характера, и именно она играла одну из наиважнейших ролей в борьбе с УЧК. В этой борьбе югославские силы стратегически вели наступательные действия, тогда как УЧК оборонялась, хотя на тактическом плане была часто обратная ситуация. Югославские армия и полиция должны были лишить УЧК всякой подпоры, тогда как УЧК думала не столько о нанесении урона противнику, сколько стремилась сохранить себя саму и вела боевые действия либо обороняясь при операциях "чищения"(зачисток) югославских сил, либо нападая отдельные, небольшие группы югославских военных или полицейских, как правило при передвижении их автосредствами. Вела УЧК так-же снайперские действия и использовала противотанковые и противопехотные мины. Возможно конечно у иных военных и политиков на эту войну был иной взгляд, но как правило этот взгляд исходил в лучшем случае из Приштины. В Приштине же, как и в ряде более менее крупных населенных пунктах сохранялся довольно устойчивый мир. Здесь большинство известных сербам сторонников УЧК, либо сбежали, либо были арестованы, либо были сразу ликвидированы югославскими органами безопасности или подконтрольными тем иррегулярными группами, а остальные скрывались по квартирам своих родственников или друзей. Значительная часть албанцев из Приштины, подобно многим своим сонародцам из всего Космета была автомобильным или железнодорожным транспортом отправлена до границы с Македонией или Албанией откуда они отправлялись на другую сторону границы и затем размещались западными миротворцами по лагерям беженцев. Впрочем какая-то часть по неведомым причинам югославской властью видимо любящей половинчатость во всем даже в этнических чистках, была возвращена домой и так как их дома и квартиры были к тому времени не только ограблены, но и нередко сожжены они размещаясь у соседей и родственников были озлоблены на всех сербов и всегда были готовы помочь УЧК и словом и делом.

Были случаи и вооруженных нападений со стороны казалось бы очевидно гражданских лиц, как например в Косовской Митровице, где раз был пойман несовершеннолетний (лет 15-16)

снайпер успевший до этого убить и ранить несколько человек. Существовала такая угроза и в Приштине, но все же и албанцы здесь значительной части были более цивилизованные, а и невыгодно было той же УЧК начинать здесь боевые действия ибо это грозило как репрессиями против албанского населения, так и быстрой поимкой бойцов УЧК в городе переполненном полицией, собранной со всей Сербии.

Таким образом в Приштине главным образом шла полицейская работа и армию здесь можно было наблюдать либо в лице подразделений тылового и боевого обеспечения, либо в лице военнослужащих поодиночно или в группах посещавших проездом Приштину служебно или в частных поездках. Одной из причин этого были местные магазины, кафе и рестораны в которых до определенного времени были в употреблении и алкогольные напитки, но после десятка погибших в перестрелках по этим кафе алкоголь был запрещен. Те местные сербы из Приштины, что были мобилизованы в армию были разбросаны по Космету, или состояли в военно-территориальном отряде, охранявшем различные объекты по городу и честно говоря он ни на что другое был не способен. В стотысячной Приштине сербов было двадцать тысяч, но здесь они жили как правило в более менее сербских улицах или микрорайонах и с окружающими Приштину сербскими селами, прежде всего Грачаницей и Косово Поле и представляли собой довольно серьезную силу и вполне могли сами держать под контролем 10 - 15 километровую зону вокруг Приштины. На деле этого не произошло и местные сербы использовались либо в полиции, либо в военно-территориальных отрядах созданных по правилам из военных учебников ЮНА в которых столь много придавали месту борьбе партизан со "швабами", с тем что только данном случае "швабами" были как раз сербы. Однако если настоящие "швабы" во время второй мировой войны создали из немцев фольксдойче Югославии отдельные формирования, в первую очередь 7 горнопехотную дивизию СС "Принц Евгений", пополнив ее хорошими офицерами СС из Германии и использовали ее в борьбе с партизанами совместно с другими местными формированиями на территории Хорватии, созданной Германией и Италией (вооруженные силы усташской НДХ, а также мусульманская 13 дивизия войск "Ханжар") а и в Сербии(вооруженные формирования сербского правительства Недича и русский добровольческий корпус)

и на Косово и Метохии (отряды албанских "балист", а также албанская дивизия войск СС "Скендербег"), то югославским генералам, как сами они неоднократно заявляли никакая помощь "паравойных", то есть нерегулярных формирований была не

нужна. Причина была в том, что "Югославское войско" будучи главной наследницей титовской ЮНА получила вместе с командным кадром и партизанские традиции в которые входила и ненависть к четническому движению Дражи Михайловича из времени второй мировой войны. Хотя Дража Михайлович имел над командованием лишь часть четников, да и большинство его бойцов вообще в четнической довоенной организации не состояли четник, для офицеров ЮНА был словом ругательным и поэтому в этой войне югославские генералы да и политики отказались от весьма удачной формы военной организации. Генералы в сущности были типичными бюрократами в своей большей части и видимо полагали, что армия добивается побед если все будут хорошо выбриты, вымуштрованы отучены от вопросов, а заодно и от инициативы. Создание же четнических отрядов, что из местных сербов, что из добровольцев, выходило из схем старой ЮНА, хотя никто на практике еще не доказал, что эти "социалистические" схемы были настолько уж верны, а при этом подобные четнические формирования попахивали сербским национализмом и потому большой потенциал местных сербов остался неиспользованным. Конечно военно-территориальные отряды участвовали в боевых действиях и использовались для борьбы с УЧК. Но использовались они подобно обычной пехоте без всякого учета их знаний местности и местных условий. Лучше бы их использовали повзводно и то в районах окружавших их села и города, дабы совместно с армией и полицией были прежде всего очищены от УЧК ближайшие окрестности и все постройки там либо должны были приведены в полную непригодность, либо там должны были бы размещены военные гарнизоны с устройством минных полей. Это обеспечило бы более менее безопасное существование местным сербам даже при будущем массовом возвращении албанцев.

Но создание ВТО было проведено из рук вон плохо. Не уделялось внимания их обучению, а оснащение зависело от возможностей местных властей. Все это напоминало сельское войско которое вместо вил и топоров получило автоматы.

Были люди готовые воевать и то не так уж мало и среди самих сербов Косова, а и поехало бы туда большое число добровольцев из всех сербских земель, да и иностранства, и они то и послужили бы созданию хороших интервентных подразделений.

На деле же все осталось на "сельском" уровне и отдельные интервентные группы в составе ВТО больше напоминали партизан начала второй мировой чем регулярную армию, а ни программ подготовки, ни психофизического отбора в них не

было. В прочем в начале боевые действия против УЧК на Дренице шли со стороны югославской армии и полиции довольно успешно.

Упорной обороны сел не было и после того как войска подходили к селам местные защитники начинали бежать. Югославское командование это использовало и ставило если позволяли условия с противоположной стороны "блокады", то есть гнало с двух трех сторон противника на засады своих воиск. Надо заметить что в марте в районе Дреницы действовала сводная группа 37 бригады из Рашки составленная из нескольких сот, может около 1000 срочнослужащих контрактников и офицеров, и задачи ей выполнялись довольно быстро. Разумеется кроме 37 бригады здесь действовало еще несколько армейских бригад, а так же ПЙП (Посэбнэ Йединице Полицийе), т.е. особые региональные формирования полиции,типа ОМОН)., САЙ (специальные противотеррористические формирования полиции центрального подчинения) "цервене беретке"(красные береты силы госбезопасности типов А и Б), а с ними совместно и под их командой действовали и остальные полицейские силы как местной полиции с Космета, так и сводные отряды региональных управлений полиции.

УЧК не оказала серьезного сопротивления и как правило тогда достаточно было подойти на 300 - 400метров к селу дабы вызвать ее бегство. Оборона оказалась не лучшей стороной УЧК, как из-за дезорганизованности командования (пока одно село брали из другого особого противодействия не было) так из-за слабости вооружения (как правило стрелковое оружие и иногда гранатометы).

После провозглашения общей мобилизации в Югославии и отправки тысяч резервистов и добровольцев из Сербии на Космет УЧК вообще не имела особых шансов на хоть призрачную победу. Так силы 37 бригады были распределены как правило поротно-повзводно по селам, а штаб бригады находящийся вначале в Сербице где-то в конце апреля - начале мая был переброшен в Глоговац. Войска размещенные по албанским домам откуда местное население было либо выселено либо сбежало, в какой то мере вросли в эти села и не очень охотно шли на другие места. Между тем без "акций" (операция у сербов) обойтись было нельзя так как далеко не все очищенные села были заняты войсками и в них стали возвращаться бойцы УЧК, которые после первого шока стали несколько приходить в себя. Новые акции заключались в "чищении", т.е. силы роты, батальона, а то и бригады развернувшись в цепь шли прочесывая все на своем пути, и это делом было утомительным, да и напряженным. Абсолютное

большинство людей не имело опыта такого передвижения по лесу и шум и гам шедшие от таких цепей издалека давали знать албанцам о продвижении войск. К тому же большой проблемой было то, что люди часто сбивались в группы, обходили густые заросли или просто шли гуськом и были часты случаи когда группы УЧК проходили сквозь боевые порядки войск. Албанцы надо заметить давно готовились к этой войне и понавыкапывали в лесах и селах немало блиндажей используемых ими и как склады и как укрытия.

Сделаны они были хорошо и порою можно было пройти по ним не заметив входа, тем более, что все естественно смотрели перед собой ожидая в любую минуту выстрела. Албанцы нередко выкапывали и своеобразные мышьи норы, залезая в которые по грудь, они проводили дни и ночи пока войска уходили из их сел. Выдерживать они могли долго попивая чай с сахаром и закусывая неприхотливой пищей. Нередко прячась от войск они себя засыпали листвой, что требовало обращать внимания на каждый звук. По лесу они передвигались хорошо, особенно ночью так, что сложилась абсурдная ситуация когда днем передвигались сербы, а ночью албанцы, и не только по дорогам и тропам, но и нередко по соседним домам ища продукты, теплые вещи или спрятанные боеприпасы.

В прямой бой они вступать редко хотели и постреляв полчаса тут же уходили. Был случай когда отделение добровольцев из интервентного взвода военной полиции напоролось на доты в лесу и двое албанцев с карабинами и ручными гранатами те продержали их час или два, ранив при этом одного полицейского, пока не подошел танк и подавил их огнем. Встретив огонь сербские бойцы большей частью предпочитали отлежаться отвечая огнем и потом продолжали движение гоня УЧК на свои засады. Не скажу что эта тактика была особо успешной.

Конечно когда было известно где противник, как правило если он держал села дело шло относительно легко и где то в мае в селах Каменица, Вирбовац и Полужа было взято в плен до двух сотен албанцев, в основном местных жителей, организованных в отряды УЧК. Особого сопротивления они не оказали тем более, что боеприпасов у них осталось мало, а единственный 60 миллиметровый миномет они так и не применили.

Было заметно, что их вожди о них особо не заботились, ибо ни оружием ни подготовкой они не блистали. Однажды с позиции разведроты, находившейся через дорогу от этих сел всего в пару сотен метров от села контролируемого УЧК ночью во время одной моей самостоятельной вылазки замечено было мною как из вышеупомянутых сел в это село перешла группа в 5 - 6 человек, а

так как в дозор этот пошел я самоинициативно то не было гарантий, что в другие ночи не вышло сюда еще несколько десятков человек тем более что другие проходы вообще никем не наблюдались - кому ведь хотелось ночью мерзнуть и рисковать. Такие случаи повторялись не раз. Так во время нашей "акции" чищения села Лауша обнаружилось, что мужчины отсюда поуходили с оружием еще за пять дней до ее начала и эта акция вообще обошлась бы без стрельбы если бы группа сводного отряда из Крушевца не стала без толку палить по селу не зная есть ли кто в нем или нет, а на выходе из него, сопровождая колонну гражданских, его бойцы открыли огонь по нам разведчикам сидевшим здесь в засаде и чудом оставшихся в живых от метких сербских выстрелов. Все это было довольно странно и подобный случай был не одиночный, чтобы противник ускользал от войск. Характерно здесь взятие анклава УЧК вокруг сел Горня и Доня Обриня, Резала, Ликовац, Тырстеник, Полужа. Этот анклав был под полной властью УЧК до начала мая и в нем находилось до тысячи бойцов УЧК. В этот анклав, в том числе, по данным сообщенных лично мною комбригу а и офицеру штабу корпуса, сбрасывались грузы с самолетов и там садились вертолеты. Там же находился долгое время и командир УЧК региона Дреницы Сулейман Селими - "Султан" один из главных помощников Хашима Тачи одно время бывший и военным командиром УЧК. Здесь же по данным военной безопасности находился какой-то британский офицер спецназа, бывший военным советником УЧК. Этот анклав лишь весной 1999 года четыре раза, как только мне было известно был целью наших наступлений. Раз еще до моего приезда в одном неудачном наступлении "цервени беретки" потеряли несколько мертвых. В первый же день по моему приезду я стал свидетелем нового наступления как полицейских так и армейских подразделений на этот анклав. Правда в начале я подумал, что вот мол опоздал на войну и УЧК мол полностью побеждена. Такое мнение во мне укрепили слова толстого и важного офицера в штабе бригады, который говорил своим коллегам что все УЧК - конец и сейчас в штаб приведут самого Султана.

Однако такое мнение у меня быстро развеялось когда я с двумя подофицерами из штаба - один кадровик, второй из военной безопасности, отправился на место нашего главного удара под Обринье. На вершине лысой горы было собранно немало войск и мы проехав подразделения армии и полиции, собранных в каких-то длинных одно - двух этажных зданиях перед склоном, как оказалось бывших казармах УЧК, подъехали к дому вокруг которого стояло три грузовика и человек двадцать

тридцать солдат. Как всегда последовало предложение выпить кофе со стороны командира, но попробовать его мы не смогли. Кружившие в воздухе самолеты НАТО стали отбрасывать сначала ловушки и потом и что-то покрепче и вдруг рядом раздались взрывы. Все побежали в подвал и посидев там, опять было выбрались наружу, хотя по моему мнению тресни в этот дом ракета, особой защиты подвал не был бы. Тут опять раздались взрывы и все опять побежали в подвал, а потом опять выбрались наружу. Что делать никто не знал, и так как бегание вокруг дома мне надоело, тем более что целью он вместе с военными машинами был хорошей, то я отошел от него на метров 50 к машине командира бригады и прилег с моими спутниками на пригорке за кустом вместе с Негошем, телохранителем комбрига. Отсюда хорошо виделось как в лощине под нами на поросшем лесом склоне следующей более низкой горы что-то дымилось и поднимались белые клубы разрывов. Как мне объяснили там наступала разведрота и как выяснилось потом, она прямо на машинах попала под удар авиации НАТО. Была уничтожена одна машина с восьмью бойцами в том числе с командиром разведроты, а еще человек пять где-то было раненно и при этом колонна попала в засаду УЧК.

Интервентному взводу военной полиции наступавшему левее, больше повезло и он только попал в засаду УЧК потеряв троих раненными. УЧК очевидно имела связь с авиацией НАТО и в этом я полностью уверился когда во время авиаударов услышал по захваченной раньше у шиптар портативной радиостанции торопливый говор, что офицер безопасности перевел как просьбы оборонявшихся к своему командованию об огневой подержке.

Под удар попали и другие подразделения. В паре сотне метров от нас валил густой черный дым, но никто особого желания отправиться туда не испытывал, хотя было много криков, что в какой-то машине "наш" водитель. Мои спутники недолго подумав завели свою легковую машину и мы отправились туда где незадолго до этого проехали. Дорога была перегорожена горящим танком, а рядом с ним горели бензозаправщик и еще одна машина. Как оказалось ракета разорвалась в нескольких метрах от бензозаправщика и пламя с того перекинулось на пополнявшийся горючим танк и соседнюю машину.Одного раненого Любо,из военной полиции увезли, но никто не мог сообразить все ли живы, пока не выяснилось, что в танке остался механик водитель и его обугленный труп позднее был вытащен. Тут неожиданно появилось два или три бронированных УАЗ с пулеметами на крыше, состоящих на вооружении специальных формирований МВД, но они тут же развернулись с еще

несколькими грузовиками с полсотней полицейских державших здесь позиции, но к тому времени спаковавшихся и сразу же отбывших назад под озлобленные комментарии военных. Однако через минут 5 - 10 за ними последовало еще два три десятка резервистов нашей бригады на трех тракторах с прицепами и я хорошо запомнил как один из них кричал, что мол Косово было и останется шиптарским. Не помогли уговоры и приказы бывших со мной штабных подофицеров и танкистов остававшихся с двумя танками без всякого пехотного прикрытия и то в наиважном месте

Появился командир бригады Любиша Дикович, со своей свитой и сам опешил от происходящего. Сказав что сейчас кого-то срочно пришлет отправился за уехавшими, нас же трое человек заняли оборону встретив там лишь одного добровольца из пехоты, который со своими товарищами занимал позиции слева и внизу от нас. Это немного разъяснило ситуацию и доброволец сев в трактор, брошенный полицией и погрузив туда брошенные ею же упаковки с минеральной водой отправился назад к своим. Наконец после получасового - часового ожидания появились сначала резервисты, правда не ставшие занимать позиции, а затем какие-то срочнослужащие солдаты распределенные своим командиром по позициям и освободившие нас.

Понятно что на этом операция была закончена и в конце дня я узнал что бригада потеряла убитыми в тот день до10- 15 человек.

Новая акция началась через пару недель и опять после долгой но неторопливой огневой подготовки артиллерии и танков на нашем участке пехотный батальон и разведрота первое время наступали без проблем, хотя полкилометра пришлось идти полдня. Противник отступал лишь спорадически и то местами отстреливаясь.

Махалы (селения) из которых состояли албанские села, лежащие в долине еще задолго до акции опустели от жителей, но входя в дома можно было увидеть, что во многих из них ночевали бойцы из УЧК - на полу лежали матрасы, в углу стояли печи и вообще комнаты где они спали были хорошо прибраны, хотя дома нередко были сожженны.

Как развивалась операция на других участках не знаю, но на нашем, наша разведрота, хотя и выйдя после пехоты быстро дошла до высоты Бок Тырстенички и оставив взводы срочнослужащих и резервистов в домах под ней,"Струя" второй по счету командир роты со мною и взводом добровольцев вышел на высоту и дабы показать наше место нахождения поджег амбар с кукурузой у одиноко стоящего дома.Его действия были

результативными и вскоре взвод добровольцев здесь был обстрелян снайпером.Стало понятно что противник лишь выжидает время в лесу на склоне следующей высоты за которой уже лежало Горне Обринье. Справа от нас должна была находится полиция МВД, но попытка установить с ней связь оказалась бесполезной. Пройдя метров 500 вправо и спустившись с высот до ручья и селения Беженич мы никого не обнаружили, зато по возвращению увидели в 200 - 300 метров от себя троих албанцев быстро скрывшихся в зарослях после нескольких очередей нашего пулеметчика "Бырко".

На крайнем левом фланге, который держал взвод срочнослужащих дело шло нормально, но пехота бывшая левее с двумя танками вырвалась слишком вперед и ее в теснине зажали огнем. В конце концов наступила ночь и раведрота была выведена в базу, зато пехота осталась ночевать в лесу и как потом выяснилось потеряла в тот день около десятка человек убитыми и раненными. Пехота шла через поляны цепью в полный рост и хорошо виделась албанцами подкараулившими ее в удобном месте. К тому же пехоту похоже накрыла и наша же артилерия, вызванная для поддержки этой же пехоты. Понятно, что и эта операция была неудачна и УЧК опять возвратилась на свои исходные позиции. Наконец последний раз для наступления на этот анклав были отправлены силы двух бригад 37 и 58 и отряды специальной полиции и САЙ. Операция продолжалась 4 5 дней. Как мы перед этим доносили в наш штаб, УЧК имела в лесу много траншей из которых они могли обстреливать дорогу, но вначале сопротивления на нашем участке почти не было. Наступала наша разведрота с левым крылом завязанным на военную полицию, а правым крылом на специальную полицию. После нескольких часов медленного продвижения когда людей приходилось постоянно подталкивать и доходило порою до идиотизма когда их ложили иные командиры цепью на середине поляны хотя при этом был слышен порою звук бегущих людей по которым сразу открывался огонь. Разведрота дошла до первой речки, точнее ручья. Здесь движение остановилось, так как во первых сводная группа тыловых подразделений настолько отстала, что военная полиция не могла держать связь с ними бывшими на ее левом крыле, и с нами разведчиками. То же самое происходило по всей линии наступления, что можно было понять по радиопереговорам, когда многие подразделения не могли найти своих соседей. Сама практика когда в одной линии шли и тыловики и артиллеристы и даже бойцы ПВО вместе с пехотными ротами, а также разведчиками, интервентными взводами военной полиции и пехоты специальной полицией и САЙ привело к

общему снижению в качестве.

К тому же противник стал сопротивляться и наш взвод срочнослужащих был вынужден прийти на помощь военной полиции, остановленной огнем перед одним селением, и хотя несколько бойцов УЧК здесь было убито и ранено, но движение это надолго задержало, а тут же произошло нападение на взвод резервистов нашей роты с которым шла наша русская тройка со стороны двух групп противника в полутора десятка метров ниже. Последним чуть-чуть не хватило хладнокровия дабы прорвать наше кольцо окружения ибо опять у нас стреляло человек пять, а десять отлеживалось и противника удалось отогнать лишь ручными гранатами. Впрочем как выяснилось через пару недель противник смог пройти здесь ибо как мы потом обнаружили в одном разведпатруле от резервистов до взвода срочнослужащих и военной полиции осталось метров 300 густо поросшего пространства, которое никто не проверил и там потом были найдены блиндажи. О наличии блиндажей можно было командирам догадаться еще в ходе акции, когда мы нашли землянку (склад с мукой) и ясно было видно что часть мешков была вынесена за пару часов до нашего прихода. Однако что-то сделать самоинициативно было тяжело, а командование было озабочено своевременным занятием намеченных позиций на карте, хотя все эти сплошные линии на ней на деле напоминали решето. Движение продолжалось до большой поляны где находилась конечная точка разведроты - селение Беженич. Было ясно, что двигаться следовало колонами по одному через лес слева от поляны, что и было предложено мною командиру роты . Вместо этого движение было продолжено цепью через открытую поляну, и при этом на середине поляны оно было остановленно,по приказу сверху и то в нескольких сот метрах от домов. Более того кто-то из штаба роты притащил кому-то посылку из дома с пивом и соком прямо на поляну и начался пикник. Все это было настолько глупо, что казалось превзойти это было невозможно, но это только казалось.

Парадоксально, но на душе стало легче когда услышался характерный звук стрельбы из китайских автоматов УЧК в лесу слева и было понятно, что они уже прорвались сквозь наше кольцо. Как оказалось УЧК напала с тыла при выходе из кольца военную полицию, а и положила по ней одну или две 60 миллиметровые мины. Наши решили не остаться в долгу и сами саданули по лесу из минометов хотя точно было неизвестно где военная полиция, а где шиптары. Хорошо, что перед этим левое крыло ротной цепи неизвестно что ждавшей на поляне подтянулась к центру ибо одна наша мина легла как раз на место

где был левый край цепи и где были я и Слава. Выяснилось потом что миномет плохо очистили.

Наконец решили входить в Беженич колонной, хотя пошли скорее толпой, но на входе в него по нам был открыт огонь из одного - двух карабинов и два три десятка человек из взводов резервистов и срочнослужащих были вынуждены залечь в кустах не зная откуда стреляют. Связь с добровольцами шедшими правее лесом была потерянна, а не было и радиосвязи. Попытка выйти на них не увенчалась успехом хотя мы вдвоем с еще тремя резервистами двинулись на соединение с ними и вышли к горящим домам на опушке леса высоты справо, но выскочившие оттуда люди, чья форма в сумерках была малоразличима заняли оборону вокруг одного дома и хотя мы им кричали, они не отзывались. Потом выяснилось, что это была специальная полиция вообще потерявшая связь и со своими и с нами разведчиками.

Ночью мы,опять вдвоем, вошли в село бросив на звук подозрительного шума ручную гранату, но возвратившись были оповещены, что в село будет рота входить под утро и после малоприятного сна на природе мы опять поперлись в село после чего наконец-то оно было занято, и кроме семидесятилетнего деда там никого найдено уже не было.

Опять началось типичное надоевшее "сидение" на позициях и я со Славой не желая присутствовать на очередном пикнике, отправился в танковый батальон, где была группа русских в десять человек, которая с танковым батальоном должна была нанести удар в центр анклава.

В танковом батальоне дело шло схожим сценарием. Несколько его танков с пехотой из состава этого же батальона так же шли от точки к точке совместно с подразделениями САЙ, а впереди шел сербский капитан со своим танком с сербским экипажем и с шестью русскими на броне. Здесь кроме шиптар действовала раэ и авиация НАТО. Командир танкового батальона русских невзлюбил ибо они хоть и разбросанные им по ротам действовали опять вместе под командой еще более им нелюбимого сербского капитана и когда комбат капитана оставил вместе с 3 - 4 сербами в только занятом селе, а сам приказал войскам отойти от этого села на несколько километров, то русские капитана тогда не оставили, чем вызвали еще большое раздражение комбата против себя. Все же в той операции их группа занимая ключевые точки перед движением цепи обеспечив хороший темп наступления. Однако в самом начале операции, когда войска шли цепью на первое село оттуда шиптары открыли огонь и один тромблон (винтовочная граната) попал в Прагу

(спаренную 30 миллиметровую зенитную самоходную установку) отбив одному парню ногу. Вскоре под чьи-то пулеметы попала и полиция потеряв четырех человек мертвыми. Потери были и в 1-ом пехотном батальоне и в других подразделениях. В середине операции,отряд крушевацкой бригады самовольно оставил свои позиции, а вскоре и все шестьсот человек из этого отряда самовольно покинули Космет устроив демонстрации в Крушевце.

В конце концов с русской группой танкового батальона мы вошли в Обринье и смогли сверху наблюдать как наша пехота и полиция в лощине поросшей лесом под нами пытаются загнать группу УЧК и все это на площади 500 на 500 метров. Те отстреливались и несколько раз пускали в воздух черные сигнальные ракеты давая знаки друг другу. Не знаю почему, но поддержки танков никто не попросил хотя лощина была как на ладони и группа в конце концов ушла. Мы попытались сами проследить куда ушли шиптары и следы вели вправо в лощину где внизу село якобы было занято нашими войсками. Было непонятно куда делось до тысячи бойцов УЧК,. Но из сел были выведены лишь колонны женщин, детей и стариков.

Не знаю сколько во всей операции было точно убито и взято в плен шиптар из УЧК ,максимум несколько десятков, а куда делась тысяча остальных можно было только догадываться. Между тем когда мы вдвоем перед операцией ходили в разведдозоры, то в прибор ночного видения только на участке селения Истог-махала села Полужа, длиной может в 400 -500 метров, в лесу было обнаружено девять дымов, а потом выяснилось, что в местах откуда исходили дымы находились траншеи и блиндажи. Понятно, что костры жгли не женщины и дети, а вооруженные бойцы УЧК, и вероятно по три - четыре человека на костер. Не было наидено ни того где были спрятаны грузы, ни вообще какие либо документы и средства связи. Найденный подземный туннель не был не только уничтожен, но и не заминирован. Куда делась УЧК увиделось уже по возвращению когда все русские танкового батальона вместе с сербским капитаном и двумя его людьми, и конечно нами двумя, были посажены в грузовик долженствующий идти впереди обеспечивая дорогу, а за ним шла Прага, три танка и бронетранспортер командира батальона.

До выезда на дорогу Глоговац - Сербица все шло нормально, хотя зрелище места где незадолго до этого подорвался на мине бронетранспортер полиции было не из приятных. Наш маленький грузовик был переполнен людьми, а какой-то тип сюда запихал найденный им сварочный аппарат,который в конце концов Слава с матом вышвырнул по дороге.

Выехав же на автопуть наш грузовик неожиданно встал, так

как в двигателе закончилось масло. Подумав немного наш капитан Боян сказал, что мол давайте пройдемся пешком ибо до поворота в село Морина где была база танкового батальона осталось немного. Стоило нам сделать пару десятков шагов как из леса справа с каких - нибудь пар сотен метров по нам ударило несколько очередей. Мы растянулись тогда уже в колонну на 20 - 30 метров и пули били как по нам так и по грузовику. Шедшие впереди капитан с шестью русскими сразу скрылись на левой обочине, а мы вдвоем забрались в дом стоящий у дороги, а остальные же сербы, вместе с одним добровольцем из Белоруссии, заняли позицию на обочине у грузовика. Противник вел огонь не переставая. Было их скорее всего один - два десятка и то разделенных в две группы, так что останься мы в грузовике то без потерь вряд ли бы обошлись. Мы отвечали огнем, а потом стал бить и танк стоящий у грузовика, но никаких результатов это не дало. Более того одна группа противник стала приближаться лесом справа от нас к грузовику и выстрелы становились все слышнее. От командира батальона не было ни слуху ни духу. Вероятно он со всем своим штабом под прикрытием Праги ждал пока мы "победим" УЧК. До победы было далековато, тем более что первая наша группа оказалась отсеченной и пришлось мне лезть на броню танка и подогнав его к этой группе вместе с ней за броней танка бежать еще пару сотен метров ведя из-за него огонь. Едва передохнули как пули засвистели с левой стороны и пришлось опять бежать до следующего полуразрушенного дома, откуда опять пришлось вести огонь. Полтора десятка полицейских дежуривших у выезда на автопуть толком не стреляли, хотя их пост стоял у дороги. В конце концов капитан дал знак колонне на проезд и танки пошли в базу стреляя по лесу из пушек, но это видимо не причинило вреда бойцам УЧК укрывавшимся вероятно в траншеях, которые наши войска в "чищении" не уничтожали. Командир батальона выехал на своем бронетранспортере не только ничем не сказав, но посбивая шлагбаум перед въездом в базу, а мы вскочив в два грузовика выбрались последними. Так что тактика чищения с ростом опыта у противника и с более лучшим его вооружением давала все худшие результаты, тем более что чищение шло в одну линию, и редко когда впереди цепи шли разведдозоры, а позади нее шел резерв,что было положено по уставам ЮНА.

Еще одна подобная акция на село Васильево где вместе с разведротой действовали военно-территориальный отряд из Косово Поля, пехота и полиция опять прошла в том же духе. Пока шла артподготовка, пока где-то кто-то связывал боевые порядки, пока кто-то решал идти его подразделению вперед или

подождать, целая группа УЧК в полсотни ушла из села, вступая лишь в короткие перестрелки, и хотя акция шла еще 5 - 6 дней почти вся она ушла из кольца окружения. Лишь раз ребята из взвода срочнослужащих убили одного шиптара и то судя по его внешнему виду и карабину в руках не принадлежавшему к элите и при этом он сам был виноват в своей смерти так как вместе со своими несколькими товарищами не только приходил спать в уже занятое село, но еще и вздумал утром пройти через него.

Из Васильева шел длинный водо-оросительный канал переходящий на выходе из села в подземный туннель выходивший через десять километров на Чичавице. Этот туннель мы вдвоем потом исследовали до подножия горы и обнаружили, что там вход в него открыт а воды в нем не было, а зато были следы людей.

Перед началом операции я не знал о чем идет речь и получив две мины направленного действия МРУД (типа советской МОН-50 и американской ClaymoreM18) думал, что мне хватит два их заряда пластичной взрывчатки по 900 грамм для того чтобы завалить туннель. На деле же это было сооружение с 30 сантиметровыми железобетонными плитами два метра высотой и 4 метра шириной для чего требовалось не два а сто киллограм взрывчатки. Впрочем это никого не волновало, главное отметится и я как идиот по колено в воде полчаса устанавливал взрывчатку дабы получить лишь полуметровый разрыв в верхнем стыке боковой и верхней плиты. Потом мне офицер из штаба бригады пообещал взрывчатку и я было обрадовался когда узнал что меня зовет командир роты получивший якобы взрывчатку. На деле мне дали две ручные гранаты со слезоточивым газом дабы я бросил куда считаю нужным и выкурил всех шиптар из тунеля. Так как простые математические вычисления говорили, что от подножия горы до выхода тунеля на Чичавице было 80 тысяч кубометров воздушного объема, то не помогла бы мне ни тысяча таких гранат, а не то что десяток который нам послала военная полиция, но 8 которых наш старшина запасливо складировал. Под конец нам перестали давать в дозоры в которые мы шли самоинициативно, но по одобрению командира роты, даже приборы ночного видения, и мы были вынуждены выходить без них.

Еще похлеще шла июньская операция чищения местности вправо от дороги Глоговац - Србица до горного массива Чичавица включительно. Здесь вообще акцию вел штаб корпуса и было собранно кроме нашей еще две бригады, разведывательно-диверсионный отряд корпуса, многочисленные отряды полиции, и я уже не знаю кто еще. Карта плана операции была настолько

густо заполнена точками различных рубежей, что мы шли со скоростью один километр в один день. Остановок было больше чем чего бы то ни было еще. То разведотряду корпуса надо было полдня стрелять из минометов по какому-то лесу откуда его обстреляли шиптары, то еще полдня вся бригада не могла заставить командира какого-то сводного взвода тыловиков войти в одно село уже почти со всех сторон окруженное нашими войсками, то артилерия целый день вела огонь по зданию какой-то школы у которой утром кто-то видел нескольких вооруженных шиптар, то наконец полиция целый день не захотела сдвинуться с места и мне подумалось чего ради нам вдвоем надо добровольно идти в каждую операцию когда очевидно что это своеобразное надувание мыльных пузырей когда кто-то в штабах зарабатывает очередную звездочку. Это мнение у меня укрепилось когда я рано утром услышал очереди из китайских автоматов уже за спинами танкового батальона с которым перед этим наш взвод срочнослужащих едва ошибочно не вступил в перестрелку. Было ясно, что шиптары прошли, но так как никого это уже и не интересовало мы сплюнув отправились на базу дабы зря не мерзнуть по лесам.

Подобная тактика еще была бы оправдана действуй шиптары группами по 200 - 300 человек, но ведь их группы насчитывали 10 - 15 человек, разбиваемые при том на подгруппы и с ними нужно было бороться ротами в которых можно было установить и связь и плотное взаимодействие, а и избежать междуусобных обстрелов, которых я стал бояться больше шиптарских.

По большому счету сама тактика чищения могла принести успех лишь при многократном превосходстве над противником. Счастье наших войск, что УЧК мало использовала мины, особенно растяжки, и в первую очередь выпрыгивающие мины ПРОМ или аналогичные типы мин иностранного производства, и тогда мы несли бы куда большие потери.

Давно замечено, что бой по иному видится из боевых порядков и из штаба особенно чем дальше он от передовой, потому что ситуация в бою настолько быстро менялась, что приказы из штаба пусть и толковые очень часто оказывались ненужными, а то и вредными из-за опоздания в сроках или недостатка полной информации о происходящем у командиров.

В чищение мы ходили часто и все они были приблизительно одинаковы "суперменов" в них не было, да и быть не могло ибо стоило супермену побежать вперед, как его могли по ошибке срезать огнем его же соседи справа и слева относительно быстро.

Все же были операции чищения завершавшиеся быстро и успешно Так.одна из них в которой участвовала разведрота шла

на села Каменица и Полужа когда до двухсот албанцев было взято в плен, а в еще нескольких дополнительных чищениях в том числе и нашей разведроты,в течении двух недель было найдено по лесам еще несколько десятков человек, а несколько убито. Не все они были из УЧК но определить это было тяжело ибо бойцы УЧК при угрозе плена сбрасывали свои формы (пятнистую германского производства) хотя были и другие расцветки, в том числе югославской армии) и становились якобы гражданскими лицами.

Другая подобная операция была проведена в мае на район Кралицы и Донего Преказа силами роты военной полиции,нашей разведроты , танкового батальона, тыловиков и пехоты. Сводная группа нашей роты насчитывала три - четыре десятка человек Так было постоянно и всегда значительная, а то и большая часть людей оставалась во всех подразделениях в базах и многие бойцы за всю войну вообще по 2 - 3 раза участвовали в каких-то лишь даже относительно боевых выходах. Справа от нас шла военная полиция, а слева тыловики которые впрочем вскоре потерялись. Взаимопонимание у нас с командиром взвода срочнослужащих командовавшего группой было хорошее и мы договорились, что цепью идем лишь лесом, а открытое пространство преодолеваем колонной и то впереди шел бы дозор в 4 - 5 человек(то есть мы вдвоем и несколько срочнослужащих) оседлывавший бы высоты ко линии наступления. Этим мы обеспечивали и скрытность подхода и быстроту движения, а и силу огня. Это было не лишним как из-за двух американских штурмовиков А-10А беспрепятственно круживших над нами пару часов так и из-за УЧК. Первой с шиптарами имела близкое столкновение военная полиция и погнала их на нас. Мы как раз вышли на предпоследний верх перед последним нашим рубежом как увидели как на другой стороне ложбины перебегают какие-то люди в черных, кажется формах, тяжело нагруженные и вооруженные. Нас двое и пара срочнослужащих с командиром, сразу побежало вниз и вовремя ибо стоило нам достичь опушки леса как в паре десятков метров от нас застрочило сразу несколько китайских автоматов. После получасовой перестрелки и швыряния ручных гранат нами все стихло и так как левое крыло нашей роты не поторопилось охватить противника слева пользуясь кустарником, то он оторвался и ушел в сторону села Преказ. Мы здесь опять задержались на полчаса - час и затем соединившись с военной полицией прошли на верх последней высоты и лесом вышли на опушку под которой лежало село Дони Преказ. Там шла стрельба и несколько домов горело. Оказалось, группа только тогда прибывших русских добровольцев первой

вошла в село обозначая дымом подожженных домов свое местонахождение, обеспечили продвижение танка и уничтожили несколько бойцов УЧК. По общим оценкам всего их было уничтожено в той операции около 7 - 8. К сожалению тыловики опять остановились оставив свободные проходы, а часть остальной группы из танкового батальона занялась грабежом и потом вообще открыла огонь по своим убив одного серба пошедшего с русскими, свалив ответственность на последних. После же в акции при возвращении пехоты в базу, она попала в засаду потеряв троих человек мертвыми. Многие недостатки являлись вследствии неслажености и неподготовки людей. Лишь военная полиция смогла как-то держаться на уровне но только потому что имела в своем составе интервентный взвод состоящий из трех отделений срочнослужащих резервистов и добровольцев. В нашей разведроте интервентного взвода создать не дали, да и многие наши люди этого не хотели, что привело к общему снижению результативности.

Мне все это было непонятно. Создавалось впечатление словно командование боялось элитных групп и его устраивала серая одинаковость. Особо характерной была судьба русского отряда в танковом батальоне. Сначала их пару недель водили за нос по казармам в Сербии, а потом отправили на границу, но в место где никаких боевых действий не велось. Я в то время как раз просил еще русских но тех хотя половина из них были разведчики по специальности, и многие уже участвовали в боевых действиях, перебросили в танковый батальон, о чем я случайно узнал лишь через десяток дней. В танковом батальоне их разбросали по танковым ротам, а комбат словно задался целью насолить им покрепче. Надо сказать комбат был не единственным в этом роде. Еще в Сербии какой-то генерал, как и полагается генералам очень важный и уверенный в себе и своих суждениях заявил им, что мол "опыт Боснии научил нас, что русские когда собираются вместе становятся неуправляемыми и начинают убивать гражданских лиц". На самом деле русские и в Войско Республики Сербской и в Югославскую армию приезжали воевать и как правило в те подразделения что постоянно ходили по акциям, а работа с гражданским населением была в ведении особо доверенных формирований, типа специальной полиции. К тому же русские отряды в Боснии и Герцеговине появились в конце 1992 года, т.е. когда прошел период первоначальных беспорядков,массовых убийств и грабежей, а что касается Космета, то они ехали сюда воевать не с УЧК, а с НАТО, тем более что сама же югославская пропаганда уверяла весь мир, что УЧК больше не существует. Если бы тот генерал включил немного мозг он бы понял, что

люди из России просто не могли ехать сюда дабы грабить гражданских лиц, тем более что те кто хочет грабить на войны не ездит а занимается уголовной предпринимательской либо политической деятельностью.Конечно и среди добровольцев дерьмо встречалось, но вину за это несет прежде всего власть, распустившая свои войска, не ведя ни должного отбора, ни подготовки в них.

Не знаю чего ради надо было нести подобную чушь, тем более, что в бою русские добровольцы были в общей массе куда дисциплинированее а и подготовленее большей части местных военнослужащих в первую очередь резервистов. Русская группа в танковом батальоне со своими сербским капитаном была отмечена и командирами САЙ, предлагавшими шестерым русским составлявших ударную группу переход в свои ряды еще во время акции на Обрине. Другое дело, что дисциплиной в югославской армии нередко считалось подобострастность к командиру, в чем весьма отличались в танковом батальоне иные офицеры, особенно вытащенные из резерва пенсионеры и в конце концов их стараниями русская группа в конце мая закончила свое существование. Использовали они случай с дракой между тремя русскими, хотя таких драк здесь случалось немало. Моментально последовал доклад командиру бригады и всю группу, кроме офицера афганца,бывшего доктором, посадили под сопровождением военной полиции в машину и отвезли в казарму Косово Поля откуда те сами добрались до Ниша. В паспорта иным из них им поставили печать о депортации, а у нескольких вообще паспорта пропали из их личных дел. Не знаю о какой чести после этого можно говорить в данном случае. Ведь с самого начала было ясно, что им никогда не бывавшим раньше в Югославии и не знавшим языка необходима была помощь и нас, готовых им помочь надо было соединить с ними. Нас же даже не оповестили об их приезде, хотя обещаний было предостаточно.

Разбросав людей по ротам, командование само создавало в их среде анархию, ибо своего официального командира у них не было, а их сербский капитан был всего лишь командиром одной из рот и сам едва не был отправлен под военный суд комбатом.

Вскоре это привело к трагедии когда один из них, Сергей Старцев(уроженец Черкас)бывший милиционер из Днепропетровска, по предложению одного местного резервиста пошел в одно якобы незанятое село. Этот резервист своими коллегами оценивался как большой врун, но Сергей тогда должен был показать сербам, что он "русский солдат и пулям не кланяется". С собой они взяли всего одного русского из Крыма и в селе напоролись на шиптар из УЧК. Резервист еще до этого куда-

то пропал и доктор - афганец потом доказывал, что он специально повел в то село Сергея по сговору с пленными шиптарами которых держали в танковом батальоне. В начавшейся суматохе Сергей пропал без вести и так о нем ничего не узнали кроме крови на месте где его видел последний раз его же товарищ. Впрочем впоследствии в том селе был найден труп без головы и кожи, но никто не определил в югославской армии Сергей ли это ,оставив его ребенка без пенсии.

Подобная политика по отношению к русским добровольцам велась с армейского верха и я не знаю чего ради оттуда пошли потом жалобы на УЧК и КФОР. Русские лишь показатели общего отношения верха югославской армии к ведению войны. Много добровольцев хотело тогда помочь сербам и в другой более нормальной армии организовали бы все дабы побольше людей приехало в какую нибудь отдельную бригаду добровольцев. Югославски же военный верх наоборот пытался уже приехавших на свои в основном деньги людей поставить в наихудшие условия. Это касается и денег которых даже положенных 1200 динар зарплаты и от 45 до 120 динар суточных (тогда 20 динар один доллар) нередко и не выплатили дав лишь пособие на отъезд, и это касается условий в которых люди воевали, так что больше приходилось "воевать" с югославскими командирами чем с шиптарами.

Русских добровольцев было на Космете не больше двух сотен и уж свести их в одну часть вместе с какими-то сербскими добровольцами из Сербии(Больше всего их у нас было из Воеводины), из Черногории, из Республики Сербской, вполне было можно. В конце концов и к тем относились не многим лучше.Правда добровольцев из Республики Сербской я встретил здесь мало,всего пять-шесть, куда больше я видел русских, но как я слышал несколько групп первых было на границе. Русских же было относительно много в районе Призрена и там то можно было дислоцировать добровольческий отряд,

Единственная проблема была бы не в командовании отрядом а в довольно значительном различии русских и сербов. У русских добровольцев чувство долга все таки присутствовало куда сильнее чем у большей массы сербов, готовых поставить под сомнение практически любой авторитет, что в теории, что на практике. Подобная психологическая несовместимость всегда мешала, но с другой стороны иные сербы именно поэтому и предпочитали быть с русскими.

В конце концов с организацией хорошего отбора и обучения кадров при твердом порядке вполне могла была быть создана хорошая отдельная часть могущая действовать и на границе и во

внутренних областях Космета с куда большей энергией чем это было принято в югославской армии.

Что касается шумихи в прессе, в том числе российской, то она была бы в любом случае и коль было кому платить деньги, то находились и те кто готов выдумывать что угодно для того чтобы лишний раз разобличать сербов. Так как политика России вроде бы была просербской то делали это более изощренно чем раньше. Так Наталья Пуртова в Новых Известиях использовала смерть русского добровольца Федора Шульги, погибшего на границе, куда его югославское командование послало в компании с финским и датским добровольцами (Доброволец из Дании Нильсен до войны работал на Космете в организации европейской безопасности и сотрудничества и следовательно хорошо зарабатывал и приехал на Космет не ради денег, но это не избавило его в Дании от судебного преследования). Шульга там и погиб, а финн и датчанин были раненны и все они были награждены югославским командованием. Этот случай был использован Пуртовой дабы бездоказательно назвав Шульгу и финна и датчанина наемниками, и то бойцами каких-то неведомых "особых" отрядов, заодно поставить большой заголовок "Русские добровольцы возвращаются на Родину в цинковых гробах". Насколько же известно, здесь погибло трое русских добровольцев, в нашей бригаде Сергей, а кто он русский или украинец никто не разбирался, на границе Шульга и еще один Виталий Булах, который был в списке посмертно награжденных,но неизвестно где погиб.

Еще одна статья была в "Комсомольской правде" и правда в ней была действительно комсомольская, которую написал Николай Варсегов. В статье был типичный голливудский набор для русских, водка, секс, наемник, мат. Правда меру человек все же перебрал что с русбатом ибо речь в статье шла как раз о десятке русских добровольцев танкового батальона, что с густыми ягодно сочными кустами черешни, что с чучелом трупа лежащим на мосту, как воздушная маскировка (полный бред!). Видимо причина этого была в том, что "Очарованный страник" как он сам себя назвал на деле из Приштины на место боевых действий и не выезжал.

Но с другой стороны чего высказывать претензии к людям "второй древнейшей профессии" коль иные командиры российского контингента КФОР говорили о добровольцах в том же духе, что и журналисты. Правда у первых для этого были отдельные причины. Первоначально российский КФОР был у сербов популярен особенно после занятия им 12 июня аэродрома Слатина под Приштиной когда дело едва ли не дошло до боя с

англичанами. Сербы надеялись на то что россияне получат свой сектор на севере Космета, что включало бы Приштину, Гнилане и Косовскую Митровицу и дало бы возможность сербам сохранить хоть часть Космета. Однако так как Запад с Россией не считался, то свои сектора получили американцы, британцы, французы и итальянцы, но не россияне поставленные на уровень турок, голандцев, норвежцев и арабов из ОАЭ. Позднее даже запланированной смены голландцев россиянами в Ораховце не произошло.

Хотя сербы в этом городке были в полном окружении убиваемые шиптарами, готовыми мстить кому угодно лишь бы это было безнаказанно, россиянам преградили путь албанские баррикады. Понятно что это была намеренная провокация УЧК и то по заказу Запада, да бы еще раз унизить русских и показать сербам кто хозяин Космета. Оправдание же было найдено типичное русские наемники, настолько много здесь убили гражданских лиц, что албанцы ненавидят всех русских. Российское же командование сразу же проглотило наживку которую ему дали командиры УЧК и стало оправдываться "мол надо же видеть разницу между уголовниками из России и нами честными вояками". Хотелось бы спросить чего ради русские добровольцы были сразу записаны в уголовники и где тому доказательство. Насколько известно наркотиками и рэкетом по Европе занимается как раз УЧК, которую уже на Западе газеты называют наркоорганизацией, а что касается организованной преступности из бывшего СССР то ее люди если и бегут то все как то в Западную Европу или в Америку,воевать же едут те кто хочет именно воевать, и тут есть люди всех положений и убеждений. Вся демагогия о том что российские десантники не могут войти в Ораховац из-за русских наемников смешна.

Британцы сербские баррикады в Косово Поле за полчаса разобрали избивая сербов хотя те требовали внимания к судьбе сербов захваченных УЧК уже после прихода сюда НАТО. Российский же контингент имеющий в международной полиции сто своих земляков из ОМОН и СОБР не мог разобрать баррикады албанцев из-за того что его многие командиры это сделать просто были не могли всилу подавления инициативы сверху, но никак не из-за русских добровольцев. Албанцы держали ведь баррикады на дорогах, а в лесу их не было, вот бы и сделали десантники ночной марш через горы в Ораховац, а баррикады следоало разобрать бронетранспортерами с помощью ОМОН-а. Вообще же ныне американцы в каждой своей дивизии имеют от нескольких десятков до пары сотен вертолетов и неясно почему в контингенте составленном в основном ВДВ нет вертолетов. Ведь

парашютные десанты дороги и редки, а вертолеты куда более эфективный транспорт.Российское командование в состоянии было организовать такой десант прямо на Ораховац,Впрочем российскому контингенту на Космете вождь УЧК Дреницы Сами Люштраку открыто угрожал, а чеченские "братья" УЧК одно время со своим флагом разъезжали вокруг аэродрома Слатина.

Если перейти к конкретным предложениям какие были бы необходимы для улучшения ведения противопартизанской войны на Космете, а вероятно будут необходимы и в других войнах следует начать с политики.

Следует определить кто в среде из которой вышли партизаны - враг. Если кто-то считает что враг весь народ то ведь и выселять этот народ надо полностью как делал Сталин, а если врагом считается лишь определенное политическое движение то с ним следует бороться куда более изощренными методами, а не посылать резервистов или срочнослужащих да бы они относясь ко всем без разбирательства как к врагам будут их лишь озлоблять. Я помню случай с селом Глобары, находящемся рядом с Глоговцем. Сначала там опять в ходе самоинициативных наших патрулей удалось показать людям кто хозяин положения. Иные тогда пили с албанцами кофе и говорили о политике,но те ведь были не так уж глупы и стремились сразу солдат ввести в дом и разговорами и услугами отвратить их от хождений по селу. Мы же вдвоем обойдя село и подходы к нему увидели и протоптанные тяжелыми ботинками тропы и следы оружия на земле и здесь же ночью были сигналы видимые лишь в приборы ночного видения. Когда же все это было обговоренно и доведенно до знания людей, некоторые командиры сначала было перепугались, но потом как все успокоилось воспряли духом и назвав себя воеводами, тоже решили пойти в патрули. Однако так как мы ходя в патруль пытались объяснить албанским старейшинам хотя те отрицали что старейшины вообще существуют у албанцев что лучше для всех если их партизаны на нас нападать не будут ибо у нас тяжело потом было бы кого-то сдерживать и это действительно было так, но подобные командиры наполнившись самомнением стали на деле обделывать свои делишки по селу и все выродилось в какие-то грабежи. От всего этого стало тошнить и ходить мы туда уже не стали. Потом нашу роту вообще здесь сменили и что дальше было точно не знаю, но нападения на наши войска были, особенно на выводе когда было убито несколько полицейских. Уже тогда было видно что служба безопасности нужна каждому подразделению занимающемуся активно борьбой с партизанами. Таких подразделений в бригаде было не так уж много разведрота, военная полиция и отдельные временно создаваемые в ходе

боевых действий интервентные взводы или группы в составе дивизионов, батальонов, а то и рот нашей бригады. Именно их и следовало привести в единообразный вид и соединить единой сетью служб и разведки и безопасности. Лучше всего было иметь единую хорошо развитую службу разведки и контраразведки чем две наших разделенных службы, одна из которых разведывательная, неизвестно вообще чем занималась, да и от службы военной безопасности мы, т.е. те кто ходил по акциям нужных сведений о конкретном противнике почти не получали, а почти вся информация из нее забиралась на верх уж не знаю для какой отчетности.

Проблемой было и наличие двух служб безопасности на Космете госбезопасности ДБ и военной безопасности и мы в своих действиях никакой информации от ДБ не получали, зато было пар случаев массовых избиений шиптар разъяренными солдатами в которых пострадали и те шиптары что сотрудничали с ДБ. Куда разумнее было бы создать единую службу безопасности обладавшей бы и сетью агентов собственными разведывательно - диверсионными группами в том числе из албанцев скрытно размещенным по лесам, так и по самим албанским населенным пунктам по тройкам - пятеркам. То есть по населенным местам действовали бы сотрудники преимущественно из албанцев, а их деятельностью или из леса или из сел занятых нашими войсками управляли бы наши разведчики имевшие под рукой и группу диверсантов.

При организации же масштабных операций подобная сеть лучше всего бы могла командовать операциями и поэтому она должна была бы или заменить штаб, или сам штаб бригады должен был быть подчинен ей. Охваченную боевыми действиями территорию надо было разделить по округам держа под контролем определенную область. Саму Дреницу конечно должны были бы или полностью держать силы МВД, специальная полиция ,САЙ и "цервени беретки" или же туда должны быть направлены 63 парашютная и 72 разведывательно-диверсионная бригады или одна из них. Не знаю зачем их было держать в районе Призрена когда первым ударом НАТО эти бригады не оснащенные толком бронетехникой и находящиеся практически в первом эшалоне были бы уничтожены тогда как с Дреницы они могли быть направлены в наитяжелое место на фронте где была бы возможность просочиться в тыл наступавших сил НАТО или при возможности быть заброшенными по воздуху, тем более что аэродром Слатина был в двух десятках километров от Глоговца, а на самой Дренице можно было устроить несколько вертолетных площадок, а уж не знаю почему здесь вертолеты не

использовались. Чтобы бороться с партизанами надо находится там где они действуют, что дает знание местности и противника. Каковы не были недостатки войск размещенных по таким областям, но наибольшее напряжение в борьбе с УЧК несли как раз они. Именно их порою недостаточно оснащенные группы несли наибольшую тяжесть этой борьбы и та же 37 бригада была вынуждена выполнять то чем в югославских армии и полиции должны были заниматься "специальные формирования". Все же и эта бригада могла быть изменением в организации и тактики приспособлена к противопартизанской борьбе.

Основу должны были бы составлять ударные отряды(усиленная рота/батальйон) подчиненные оперативно, а то и организационно вышеупомянутой единой разведслужбе и бывшие бы основною силою тактических и оперативных групп,заменивших бы батальоны/полки и бригады/дивизии. Они должны были бы командоваться командиром, в действительности командовавшим бы в прошлой войне каким - нибудь ударным отрядом(взводом или ротой) и он должен был иметь помощников из числа добровольно вызвавшихся офицеров, подофицеров и людей с доказанным боевым опытом и заслугами. Им бы командир и мог поверить командование боевыми группами создаваемым в соответствии с боевыми задачами из отделении (троек). Комплектоваться такие отряды должны только из добровольно выразивших желание воевать в них. Такие бойцы должны иметь все возможные льготы,но дисциплина,должна твердо поддерживаться при выполнении боевых задач.Оснащены ударные отряды дожны быть как всеми видами стрелкового оружия в особенности пулеметами, так и автоматическими гранатометами и минометами, а то и ПТРК а иметь на вооружении и бронированные грузовики и бронетранспортеры, а при необходимости и другую бронетехнику в особенности БМП, но и танки и ЗСУ. Большое внимание следовало уделять при оснащении группы средствами связи и приборами ночного видения, а в особенности их исправности (отказы "Моторол" в середине акции помогали нередко уйти противнику, а то же относилось и к ПНВ) как и в оснащении радарами (имевшийся в разведроте переносной радар мы так и не получили в пользование. Обязательно было использование собак, как ищеек для обнаружения по следу партизан, так и сторожевых (для охраны позиций) и тут надо заметить что шиптары в отличии от нашей армии собак использовали, выпуская ночью их перед селом. Нужны были и псы натренированные к обнаружению мин и взрывчатых веществ, и оружия, как для проверки дорог на которые не раз ставились мины, так и дворов и домов албанцев

нередко имевших склады оружия и взрывчатки. Даже в обычном разведозоре не мешало брать два-три пса, что как помогло бы в исполнении боевых задач, так и предотвратило неожиданные нападения или избавило бы от многих потерь от мин. Что касается остальных войск то они должны были быть разделены на подразделения боевого охранения, боевого и тылового обеспечения. Боевое охранение было бы распределено по нескольким важным населенным местам либо постам, с подчинением (в рамках тактической или оперативной группы) тому или иному командиру ударного отряда служа последнему как своеобразная наковальня которую бы он подводил под неприятельские группы нанося удар по ним молотом своего ударного отряда. Ему было бы подчиненно также боевое обеспечение в том числе артилерия, а тыловое обеспечение должно было быть разделено между штабами тактических и оперативных групп и найнеобходимые сферы питания и начальный ремонт и снабжение боеприпасами должно было бы передано первым дабы не вызывать лишней суеты на дорогах. Подобная схема могла бы меняться в названиях и соотношениях, но суть должна остаться той же, т.е. командование операцией шло бы с передовой в тыл, а основой организацией были бы сплоченные боевые группы из людей хотящих воевать, а и знающих за что воюют.

Таким образом схема действий должна была выглядеть так, что сначала велась развед.работа всеми видами разведки(в том числе агентурной), затем посылались бы РДГ выходившие бы по следу на базы противника.Затем ударные отряды скрытно бы выдвигались на исходные позиции и просачиваясь через неприятельские линии обороны, либо высаживаясь десантом с бронемашин или вертолетов, разворачивались бы в боевые порядки и нападали бы на командные центры противника,с последующим нападением остальных войск по всему фронту.

Надо заметить что достаточно важную роль играло использование миновзрывных устройств, которые давали возможность сократить, а в некоторых случаях и полностью убрать иные кроме ударных силы, минируя пути отступления противнику.

Наша разведрота пыталась несколько раз вести поиск баз УЧК и кстати это сразу же дало хорошие результаты и сразу шиптар хватала паника и они несли потери. К сожалению сделав основную часть, т.е. выйдя по следам к месту базирования неприятеля, и вступив с ним в близкий бой и даже развернувшись в боевые порядки мы упускали противника ибо остальные наши люди, в основном застывали на месте в бесполезной перестрелке

и противник понеся сначала потери быстро организовался и выставив прикрытие уходил, а то начинал огонь в другом месте ради отвлечения внимания наших войск. Впрочем он зря старался ибо так например когда наша рота была размещена в Истог-Махала села Полужа и когда таким образом мы вступали в бой с противником наши соседи инжинерцы (саперы и строители) расположенные всего в 300 - 400 метрах под нами рядом с дорогой Глоговац - Сербица не то что нас не поддержали, но и не пытались предложить помощь и даже не знали неделю где мы вообще расположенны, а ни наш ни их командиры не пытались провести обычную телефонную связь. Да и что вспоминать инженерцев когда наши разведчики находясь в нашей базе в селении не могли вообще выйти к нам а когда бой раз начался дальше от села то из него никто и не попытался отрезать противнику ,на которого мы нападали, пути к отступлению, но зато послать наугад в сторону стрельбы тромблоны они смогли разгоряченные алкоголем.

Дело доходило до абсурда. Так когда я и еще четверо добровольцев из Воеводины вошли в село под Чичавицей в котором уже вывесили белый флаг, так как бойцы УЧК из него ушли не дождавшись нашего нападения, то мы на обратном пути вывода колонну гражданских албанцев обстреливались одним сербским малоумником,добровольцем из нашей роты, который за день до этого поджег амбар с пшеницей обозначив наши позиции не только УЧК, но и авиации НАТО. Другой раз когда после начала стрельбы средь бела дня под Глоговцем третий наш комроты "Жутый" потребовал проверить причину стрельбы, из всей роты, а в особенности из многочисленного штаба пошло нас четверо человек и прийдя к двум - трем десяткам полицейских занимавших пост у дороги мы узнали о двух вооруженных шиптарах в селе между нами и Глоговцем где был штаб бригады. Одного из них ранил полицейский снайпер, и в "чищение" села пошло нас двое я и Слава. Дойдя до сомнительного дома нам пришлось посылать одного албанца лет сорока так как в этом селе было полно военно-способных мужчин с белым флагом к полиции за подкреплением, но тот привел лишь нашего третьего парня Перо (добровольца из Вырбаса), которому не дали ни "Моторолы". Заставив албанцев махать белыми флагами дабы сидевшие в домах и слева и справа и впереди села по нам не открыли огонь мы ради очистки совести проверили сомнительные дома, откуда неясно почему полиция месяц назад ушла и увидели что там могла скрываться и рота УЧК, тем более что именно сюда часто вели следы и отсюда несколько раз подавались сигналы.Однако кого хватать из десятка мужчин выведеных нами

мы не знали , да и ответственности брать было нельзя.

Большой ошибкой югославского командования было то что оно пыталось воевать с УЧК числом а не уменьем давя его общей массой. Если бы не НАТО это еще могло получится, но не с поддержкой извне. УЧК набираясь боевого опыта, а также и боевого духа становилась все более сильным противником. В конце концов такое партизанское движение возникало не без поддержки извне и следовательно борясь с ним надо учитывать все возможныеугрозы

С УЧК надо было воевать, по-моему мнению очень быстро не выпуская инициативу и как можно реже теряя контакт с ней, ибо ее преимущество как и всяких партизан было в тайности и неожиданности.

Следовало упор сделать на разведку и после того как определилось бы приблизительное расположение сил УЧК, надо было посылать возможно и на вертолетах разведдозоры для утверждения разведанных об их местонахождении и проведения диверсий, и либо сразу за ними, либо с выдержкой по времени на базу неприятеля должны были бы нападать ударные отряды, долженствующие разгромить базы противника, либо связать его боем, а затем уже куда более меньшую область его нахождения окружать обычной пехотой и при поддержке танков, артиллерии, а в особенности с вертолетов и самолетов уничтожить неприятеля, далее же должна была начинаться полицейская работа.

Нет непобедимых армий, а тем более нет непобедимых партизан, но УЧК чтобы кто не говорил вышла победителем в войне и она стала проблемой не только для оставшихся сербов на Космете, но и для всех сербов и в Сербии, и в Черногории, и в Боснии и Герцеговине, и лишь дураки могут думать что шиптары забудут эту войну и опят восстановят "братство и единство" с сербами.

Шиптары или албанцы никогда в мире с сербами и не жили, а ныне им тем более нужна война с сербами ибо им нужны новые земли и новые богатства так как Космет основательно разрушен, а обещания Запада пустые слова. В албанской среде возросло влияние моджахединов и если югославские вооруженные силы опять будут так же воевать как на Космете, то недалек день и "зеленого исламского коридора" из Албании в Боснию. У сербов было не так уж мало храбрых и способных бойцов, но не было стержня вокруг которого они бы могли собраться, Все это в полной мере относится и к российской армии .Я не хотел бы касаться здесь боевых качеств. но сами модели вооруженных сил очевидно схожие и для югославской и для российской армии на

практике схожи. В российской армии восемьнадцати-девятнадцатилетние солдаты большую часть времени ходят строем, и занимаются хозработами. Надеяться после этого, что они со своей еще не до конца сформированной психикой за два года смогут сравнятся по боевым качествам с теми кто по несколько лет практикуется в употреблении оружия - бессмыслица. О том, что такое армия вскоре будет анахронизмом и говорить не приходится. Одно дело еще наступать по открытой местности используя против легковооруженного противника современную технику и попросту давя его массой и другое дело воевать в сложных условиях горной или городской местности. Если уж не жаль этих молодых солдат бросать в мясорубку, то следует хотя бы подумать о том что нужного результата с ними все равно не постичь, хотя бы всилу человеческой природы, которая конечно знает немало исключений, но правила это не отменяет. Ни один известный полководец в мировой истории неопытных войск не имел, но к сожалению ныне мало обращают внимание на историю. Что же касается западных армий то конечно я не склонен преувеличивать их боевые качества, но их материально-техническая мощь очевидна, и уж использовать ее их профессионалы смогут. Это конечно не значит ненужности армии вообще, но ее современное состояние лишь отягощает ее болезни и откладывание настоящих реформ, конечно не в области постоянных сокращений, довольно таки неразумно. В конечном итоге после очередной проигранной войны придется уверять свой народ тратя большие силы и средства, что это поражение на самом деле победа, и что 2х2 не четыре, а пять, и опять во всем виновата политика.

Олег Валецкий

1 Космет - Косово и Метохия

2 УЧК - по албански Освободительная Армия Косово (Уштриа Члимитаре э Косовес)